

Василий Иванович Немирович-Данченко

Ночью

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Ночью**

Ночь была тиха, так тиха, точно она замерла, ожидая какого-то страшного преступления... Амед заснул, как убитый. Подобно всем горцам, он знал, что проснётся, когда ему будет надо, и действительно, — не успели семь очей Большой Медведицы над вершинами Дагестанских твердынь совершить четверть своего оборота, как юноша был уже вне царства грёз, так нежно ласкавших во сне его чуткую душу. Он потянулся. Открыл глаза. Звёзды сияли ярко... Зловещий Альдебаран стоял над самую Шайтан-горою, и красный блеск его, казалось, играл на её грозных утёсах. Амед прислушался. Кругом раздавалось только ровное дыхание спавших елисуйцев. Чу, где-то заржала лошадь... Другая ответила ей. Далеко-далеко затявкали крепостные сабаки... И по тому направлению, точно желая осветить местность, взвилась огнистою змеёю ракета. И опять тьма, звёздный блеск и молчание... Амед пополз прочь от товарищей осторожно, медленно... Земля стала уже влажной, и шорох его тела по ней был совсем не слышен. Хатхуа — там вон... Во мраке смутным пятном выделяется значок его, —

дальше ещё какие-то пятна... Тихо-тихо ползёт Амед. Теперь не только судьба крепости и его жизнь, но и жизнь Нины зависит от успеха задуманного им предприятия... Вот уже дыхания елисуйцев не слышно. Направо — дидойцы, но они далеко, налево — чеченцы из Карадага, — те тоже не увидят его теперь. Костры залиты и разбросаны. Только чутьём и можно взять. Амед приподнялся и уже пошёл. Обувь его из сырых бараньих шкур, мехом наружу, совершенно скрадывала звук шагов. Несколько минут было достаточно, чтобы расстояние между ним и становьем Хатхуа сократилось, и Амед опять припал к земле. Сердце бьётся. Со страшною силою бьётся, так что юноша приостановился и ничком пролежал, боясь, чтобы кто-нибудь не уловил этого стука. И в голове точно молотки... Все пульсы будто кричат о нём, предупреждают врага. Амед, приподняв голову, посмотрел на звёзды. У него было достаточно времени. Торопиться незачем. Он знал, что теперь, если понадобится с его стороны удар, то повторить его нельзя будет, а его рука, как и сердце, должны быть тверды. Скоро, впро-

чем, бой его сердца сделался тише, и юноша почувствовал такой прилив отваги и уверенности, что двинулся вперёд опять... На что-то холодное и склизкое наткнулся он... Оно зашуршало прочь, и лёгкое шипение послышалось около. Змею встревожил... Вот прямо перед ним какое-то пятно. Ноги спящего человека. Амед — мимо и, только поравнявшись с его головой, чуть приподнял свою и различил худое лицо тоже юноши — лезгина... А около — ещё спящий... Джансеид и Селим даже не задышали тревожнее, — до того тихо двигался теперь Амед. Медянка в траве производит не больше шума. Наконец-то вон что-то блестит... Амед различает подбитые серебряными подковами каблуки. Это — Хатхуа... Это — князь. Его кинжал с золочёной ручкой... Его ружьё брошено около — в бурочном чехле... Князь разметался во сне и спит крепко-крепко... Так крепко, что не слышит, как над его лицом поднимается другое, такое же молодое, красивое, дышащее смертельной ненавистью к нему.

Амед жадно смотрел на него своими ястребиными глазами. Смотрел, стараясь не ды-

шать, чтобы не разбудить врага. Рука юноши уже потянулась к кинжалу, но он вдруг отдёргнул её прочь и, несмотря на темноту, покраснел. «Какая подлость!» — подумал он. Нарушение такого адата на веки вечные сделало бы его, Амеда, позором всей своей семьи и пословицей в горах. Говорили бы: «подл, как Амед, сын Курбана-Аги... Он убил врага во время газавата»... «Живи, — мысленно крикнул ему Амед. — Живи, пока судьба не сведёт нас вдвоём грудь с грудью!.. Живи!..» Но тем не менее — так уйти Амед не мог. Он пощадил жизнь врага, но оружие ему принадлежало, и адат даже ничего не говорил против этого... Амед взял ружьё Хатхуа, привязал его к своей спине, чтобы оно не мешало ему ползти дальше, и опять двинулся вперёд... Вон — темнеют сливающиеся силуэты коней... Если бы знать, какая из них принадлежит князю... Впрочем, примета верная: конь Хатхуа не должен быть рассёдлан, и, действительно, вот он — стреноженный, но засёдланный... Спит тоже, должно быть... Ещё не улёгся, но голову свесил, и только тонкая кожа породистого кабардинца порою вздрагивает... Амед подполз

ему под брюхо, — перевернулся лицом кверху, вынул кинжал и разрезал треног. Почувяв себя свободным, конь переступил шаг, другой... Амед за ним. Вынул из-за пазухи чурек и поднял его к самой морде лошади. Лошадь почувяла запах хлеба и потянулась за ним, — но Амед уже отполз, — лошадь чутьём узнала, где лакомый кусок, и направилась к нему... Он ещё дальше, — конь за ним... Вон другие кони... Одни уж к земле припали и только, видя движущегося мимо коня, — провожают его ласковым похрапыванием. Один, стреноженный, подскочил ближе и тоже потянулся за хлебом, — Амед скорее пошёл уже... Ему казалось, бояться нечего. Стреноженный конь отстал, лошадь Хатхуа следовала за ним и тянулась мордой к чуреку. Амед хотел уже вскочить в седло, как вдруг рядом, точно из земли вырос какой-то горец... Амед хотел припасть к ней, но было уже поздно, Он смело повернулся к нему... Горец смотрел на него с изумлением. Видно было, что он ещё не совсем сбросил с себя чары сна и не определил, видится ли ему всё это, или действительность сама перед ним. Амеду нельзя было давать

ему время очнуться совсем. Он как-то присел и быстрым движением прыгнул — прямо на шею горцу, всунув ему в рот свой левый кулак! Оба повалились на землю. Но Амед уже обвил его крепкими ногами, а правой рукой сдавил ему шею... Горец захрипел... Амед бегло осмотрел его и отличил кабардинский наряд... Очевидно, он был на службе у Хатхуа... Амед заметил, что задыхавшийся нукер всё-таки рукою тянется к своему кинжалу, и отпустил горло его; не обращая внимания на то, что тот кусает его левую руку, — Амед выхватил свой, сам не зная как, быстро нащупал сердце лежащего, и не успел тот ещё употребить последних усилий, чтоб приподняться, как елисуец ударил его кинжалом. Судорога пробежала по телу несчастного... Что-то тёплое залило грудь Амеду... Он тихо встал... «Жаль мне тебя! — прошептал он. — Ты ни в чём не виноват, но верно судьба твоя была такова. Кыismet! Аллах судил тебе сегодня быть убитым. Всё равно, если бы ты осилил, — ты бы убил меня!..» Только теперь елисуец заметил, что у него с головы во время всей этой экспедиции слетела папаха. Он взял такую у

убитого, снял у него из-за пояса пистолеты, которых у Амеда не было, и, оставив труп, — сел на коня и тихо поехал вперёд... Тут уже не было никого. Очевидно, убитый принадлежал к числу сторожей, поставленных у бивуаков. Хатхуа, боясь вылазки, обеспечил себя сильною цепью часовых спереди — там, где его лагерь обращён был лицом к Самурскому укреплению, — здесь же у него не было почти никого. Нападения отсюда не могло произойти.

Кабардинец, почуяв чужого всадника, зартачился было, но Амед знал горских коней и быстрым ударом кинжала поразил его ухо. Лёгкая рана заставила благородного коня вздрогнуть и кинуться вперёд, но елисуец чуть не разодрал ему рта удилами и так сильно ногами сжал ему бока, что конь захрипел, покосился на него и вполне подчинился воле своего всадника. Тут уже долина кончилась. Амед сообразил, что между ним и последним бивуаком Хатхуа версты две легло... «Спасибо тебе, князь! — засмеялся он, — и за ружьё, и за коня!» Ему на минуту жаль стало, что, пожалуй, этого подвига его никто не узнает. Самый подвиг ещё обнаружится утром, но кто

его сделал, будет тайной... Впрочем, елисуицы ведь не станут скрывать, что вчера между ними был Амед. А сегодня нет его; значит, Хатхуа догадается. Тем лучше. После этого уже никто не осмелится дома считать Амеда за юношу. То, что он сделал прежде и теперь, достаточно для того, чтобы даже на джамаате ему позволили говорить после старших, а настоящие джигиты, пододвинувшись, давали бы ему между собою место...

Он уже поднялся на первый холмик.

Точно завернувшаяся в белое одеяло, долина под ночьюю мглою была позади. Амед хотел было уже понестись теперь во всю, как вдруг там в темноте далеко-далеко, где должна была находиться крепость, вспыхнуло пятном в тумане, и, несколько секунд погодя, слышался сухой треск залпа. Опять огни и опять залп. Вот новое светлое пятно, очевидно, орудия с башни сбросили снап огня в ночную темень, и глухой удар пушечного выстрела покотился в ущелье, которое начиналось у этого пригорка. Мгновенно позади точно ожили долина и горы. Гул тысячи встревоженных голосов наполнил недавнюю тиши-

ну ночи. Беспорядочные выстрелы затрещали со всех сторон. Где-то далеко послышались крики: «Алла! Алла!», и Амед сообразил, что какая-нибудь, посланная с вечера князем, шайка наткнулась на русский секрет и вызвала залп оттуда. В тактику горцев входили ночные нападения врасплох. Даже не достигая прямой цели, они всё-таки, не нанося им больших потерь, не давали русским возможности спокойно спать. Неприятель утомлялся и терял энергию и силы.

Амед, впрочем, недолго думал.

Он понял, что Хатхуа уже на ногах, что он хватился ружья и не нашёл его, кинулся к коню, и коня не было; что, несколько минут спустя, увидят убитого кабардинца, и всё дело обнаружится. Теперь каждое мгновение было ему дорого. Он наклонился к голове коня и чуть не в самое ухо ему пронзительно гикнул. Лошадь стремительно понеслась вперёд, выбивая искры из каменных пород, составлявших дно ущелья. Погони позади ещё не было, но Амед сам вырос в горах и понимал, что она не заставит себя ждать долго, особенно когда Хатхуа узнает, кому он обязан этим. «Амед, —

сообразит он, — служит русским и послан не иначе, как русскими с депешами из крепости»... Каждая секунда увеличивала расстояние между елисуйцем и горцами. Не прошло получаса, как ущелье позади было уже оставлено, а впереди потянулись цепи едва различимые во мраке холмов. Одно спасение заключалось в том, что едва ли у горцев найдётся такая лошадь, как эта. Для Хатхуа легче было бы проиграть одну битву, чем потерять подобного коня. Это наполняло мстительную душу Амеда невыразимой радостью. Он даже нашёл возможным петь о чём-то, о чём сам не знал. Горным духом взлетал он на вершины холмов и злобным Джином вскачь стремился вниз. Эта ночь убьёт коня, но ему, Амеду, всё равно. Завтра он будет уже далеко — у самого берега моря... И какое ему дело тогда до огорчений Хатхуа!.. Он даже бросит кабардинца здесь на пути. Может быть, лошадь отыщет погоня и приведёт назад никуда не годную.

Как на этом бешеном беге он не полетел через голову коня, как кабардинец не споткнулся, Амед потом не мог дать себе отчёта.

Ночь ветром своим что-то кричала ему в уши, точно предостерегая его; горные потоки, казалось, стремясь догнать его, бежали некоторое время рядом и оставались далеко позади... Около, точно часовые, выростали утёсы, — он и их бросал где-то за спиною... А семь очей Большой Медведицы уже совершили, половину назначенного им волею Аллаха круга и теперь смотрели прямо в лицо этому юноше, летевшему, как вихрь в пустыне Джанасана, как стрела, пущенная великаном Сааласом в сказочного тура, как... Но Амеду было не до сравнений... Он знал, сколько счастья или несчастья связано с его успехом и восклицал мысленно: «Ты помог мне, Аллах, значит, дело, которому служу, — угодно Тебе... Дай же, чтобы к утру копыта коня уже коснулись солёной воды Каспийского моря!..»

Горы на востоке выделились определённое, чем такие же на западе...

Сердце Амеда радостно забилося...

— Сейчас будет день... Сейчас будет день! — кричал он в лицо этой ночи, время которой уже было сочтено, в лицо этой тьме, дрогнувшей и побледневшей в ожидании

солнца... И, действительно, когда рассвет заставил потускнеть звёзды, — и белая шапка Шайтан-Дага уже позади вдруг обрисовалась в сумраке, — недалеко перед Амедом спокойное, бесконечное, прекрасное в своём медлительном ритмическом движении раскинулось море. Он с наслаждением потянул в себя воздух — и ещё стремительнее понёсся навстречу торжественному шуму его валов, белой кайме пены, лежавшей на берегу... Море!.. Тут уж он был безопасен.

1902